

Новиков Филарет Миронович

**История воспитания и обучения
умственно-отсталых детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф51

Ф51 **Филарет Миронович Н.**
История воспитания и обучения умственно-отсталых детей / Новиков Филарет Миронович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 164 с.

ISBN 978-5-521-25379-1

ISBN 978-5-521-25379-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

История воспитания и обучения умственно-отсталых детей до последнего времени не являлась предметом специального изучения ни в нашей стране ни у зарубежных авторов, хотя подлежащие ее исследованию факты, располагающиеся хронологически на протяжении более 100 лет, вполне могли составить достаточно обширный и многообразный материал для такого изучения, интересный не только для лиц, непосредственно работающих в области специальной педагогики, но и для широких кругов педагогов, психологов и врачей. Изучение и обобщение фактов этой истории явилось бы существенным необходимым дополнением к материалам, которыми располагают курсы по всеобщей истории педагогики. Оно позволило бы полнее представить важнейшие этапы развития школьного дела и полнить в то же время галерею виднейших деятелей в области народного образования, чьи педагогические взгляды способствовали углублению и кристаллизации теоретической педагогической мысли и совершенствованию педагогической практики.

Особенно же настоятельной необходимостью является сейчас изучение истории своего дела для советского учителя-дефектолога. После того как было опубликовано историческое по своему значению постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», советская вспомогательная школа вступила на путь тщательной перестройки всей своей теории и практики.

В этих условиях критически изучить столетний путь, через который прошло дело воспитания и обучения умственно-отсталых детей, выявить все то ценное, что характеризовало этот путь, и отбросить все негодное, что извращало здоровое начало в идее олигофренопедагогики, т. е. воспитания и обучения умственно-отсталых детей, что в наше время едва не привело к полной ее дискредитации, — задача актуальная, над разрешением которой необходимо поработать.

Скудость источников, относящихся к исходному этапу истории воспитания и обучения умственно-отсталых детей, тенденциозность и односторонность попыток исторических исследований, сделанных буржуазными авторами, отсутствие переводных работ по вопросу — все это сильно осложняет разрешение задачи, но ни в какой мере не означает невозможности ее решения или дальнейшей отсрочки в ее выполнении.

Изучая и обобщая известные нам факты, касающиеся возникновения и развития дела воспитания и обучения умственно-отсталых детей буржуазных странах, мы устанавливаем следующую периодизацию истории олигофренопедагогики на Западе:

1) начальный этап этой истории, охватывающий первую треть XIX в., когда идея общественного призрения умственно отсталых детей нашла свое выражение в организации приютов других закрытых учреждений для глубоко-отсталых детей;

2) второй этап, продолжающийся от последней трети XIX до начала мировой империалистической войны 1914—1918 гг., когда центром тяжести явилось создание специальной школьной сети для обучения умственно-отсталых детей;

3) третий, современный этап развития олигофренопедагогики на Западе (начиная с 1918 года).

Отечественная история воспитания и обучения умственно-отсталых детей разбивается нами на два основных этапа:

1) воспитание и обучение умственно-отсталых детей в дореволюционной России;

2) развитие воспитания и обучения умственно-отсталых детей в Советском Союзе.

Сопоставляя установленную нами периодизацию истории олигофренопедагогики с общепринятой у нас периодизацией всеобщей истории педагогики, мы видим, таким образом, что вся история воспитания и обучения умственно-отсталых детей должна быть целиком отнесена к истории педагогики нового времени. Последняя, как известно, начинается от эпохи французской буржуазной революции 1789 г. и последовательно охватывает три периода нового времени вплоть до настоящих дней, что соответствует известным указаниям товарищей Сталина, Кирова и Жданова о периодизации гражданской истории. Необходимо добавить, что соответствие 3 основных этапов истории олигофренопедагогики 3 периодам истории общей педагогики нового времени вполне закономерно вытекает из анализа известных нам важнейших фактов развития теории и практики воспитания и обучения умственно-отсталых детей. Более того, именно это соответствие является ключом к пониманию указанных фактов.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ УМСТВЕННО-ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ.

Глава I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЗАРОЖДЕНИЯ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХИАТРИИ ИДЕЙ ОЛИГОФРЕНПЕДАГОГИКИ.

Древний мир. Не приходится сомневаться, что с явлениями детской дефективности человечество сталкивалось с первых же шагов своего зафиксированного историей существования. Источники по всеобщей истории, по истории педагогики и психиатрии в приводимых сведениях о наиболее ранних общественно-экономических формах отмечают это обстоятельство. Вполне понятно, как указывает в своей «Истории психиатрии» проф. Каннабих, что единичные случаи формальности развития детей при крайней разреженности населения могли представлять такого социального интереса для древнего общества, как это имело место в позднейшие времена. Тем не менее, и те скудные и случайные сведения по интересующему нас вопросу, которые приводятся в указанных источниках, в разделах, посвященных античному миру, уже позволяют нам составить представление, каким было отношение к дефективным детям у древних народов. Так, по этим сведениям, у древних народов имели место убийства, главным образом в силу экономических причин, порожденные в условиях примитивных производственных отношений вынужденная иногда жестокая необходимость избавиться от лишних членов родовой общины. В этих случаях жертвами являлись чаще всего незнатные дети и особенно девочки.

В рабовладельческом обществе древнего мира подобные случаи убийства отмечаются историками уже с большей определенностью, поскольку такие акты освящены были обычаями, а в некоторых античных государствах и законодательством. Известно, например, что у древних индусов существовал обычай топить дефективных детей в волнах Ганга. Законодательство древнего Рима разрешало отцу семейства не принимать от матери новорожденного ребенка, если последний выглядел хилым или уродливым. Такого ребенка отец мог убить, испросив предварительно согласие пяти ближайших соседей и родственников.

Древнегреческий историк и писатель Плутарх (46—120 гг. н.э.), излагая в своих «Жизнеописаниях» систему спартанского воспитания, указывает на обычай, в силу которого отец приносил новорожденного старшим членам фило, которые осматривали его. При

этом, если ребенок оказывался крепким и пропорционально сложным, его отдавали отцу на воспитание, слабых же и уродливых обрекали на смерть. Стремясь обеспечить свое положение победителей и хозяев покоренной ими территории южной Греции, спартанцы особенно заботливо и ревниво следили за развитием каждого новорожденного и при наличии неблагоприятных признаков развития сбрасывали дефективных детей с Тарпейской скалы в море или кидали их в пропасти Тайгетского хребта.

В других государствах древней Греции и в странах Ближнего Востока отношение к умственно-дефективным детям было иным. Безобидным идиотам и слабоумным разрешалось нищенствовать на дорогах, на рынках и перекрестках дорог. Богатые афиняне отдавали слабоумных детей под присмотр своим рабам.

Обычно то или иное отношение к ненормальным детям и взрослым в античное время определялось своеобразным пониманием явления психической или физической ненормальности, пониманием, вытекавшим из анимистического мировоззрения, свойственного народам древнего мира. Ненормальные — это те, в кого вселились «злые» или «добрые духи». Буйные душевнобольные — это порождение злого духа, и от них надо избавляться, истребляя их, или защищать заклинаниями. А спокойных и безобидных обижать нельзя: их бесвязный лепет, несуразное поведение — слова и дела добрых богов, которые надо разгадать, чтоб понять.

Древние иудеи считали, что дефективные дети — божье наказание за грехи родителей, что хотя такие дети и не могут заслужить к себе такого отношения, кроме брезгливого, но истреблять их нельзя: они должны быть живым укором для грешных родителей, пока с них сам бог не снимет вины.

Психическую дефективность древние греки ставили в прямую зависимость от физической неполноценности. Геродот говорил: «Душа не может быть здоров, если тело больное».

Средние века. Мрачный период средневековья характеризуется в том же «демонологическим» (как его называет история психиатрии) отношением общества к ненормальным детям, с той лишь разницей, что античная демонология естественным образом вытекала из анимистического мировоззрения древних народов, тогда как в средние века нелепые представления о злом духе, о ведьмах, о нечистой силе, вселившихся в психически-дефективного, поддерживались и распространялись среди народных масс духовенством. Эти суеверия в то время сильное тогда духовенство освящало именем бога и папы и их авторитетом оправдывало изуверски-жестокое отношение к душевнобольным. Сжигание на кострах, заковывание в цепи, пытки в позавалах, чтоб выведать, как больной связан с нечистой силой, заклинательные обряды над одержимыми дьяволом — таково было средневековое в отношении к душевнобольным и ненормальным, когда безраздельная власть католического духовенства сковывала малейшее проявление свободной мысли и жестоко карала за вольнодумство людей науки и искусства. Ужасы инквизиции часто распространялись на глухонемых и на слепых по тем мотивам, что глухонемые «лишены дара слова и не могут учиться слову Божию», а слепые «не могут восхвалять творений Божьих, так как не могут их видеть».

Иногда же это варварское отношение распространялось и на умственно-отсталых (идиотов и кретинков). Однако положение их было относительно лучшим. Их не сжигали на кострах, не мучили, гоняя из тела бесов». В некоторых случаях умственно-отсталых изрекали в монастырях. При этом руководители монашеских орденов, допуская признание идиотов и слабоумных в монастырях, преследовали и корыстные цели: спекулируя на сочувствии народа к сиротливому и слабоумному, они сажали призреваемых у церковной казны для собирания подаяний, а иногда, если это было возможно, высылали их к придорожным крестам и в окрестные селения собирать милостыню, отбирая ее затем в монастырскую казну. Далеко не все идиоты и слабоумные могли, однако, стать объектами монастырского призревания. Глубоко-отсталых детей и подростков гоняли по улицам и площадям селений, натравливали на них собак и делали мишенью для других диких забав и издевательств. Никогда не называя их по имени, окружающие пользовались лишь оскорбительными кличками.

Нередко случалось, что, отчаявшись сами что-либо сделать с такими детьми в смысле их исправления и в то же время желая избавиться от подобных издевательств со стороны окружающих, родители и родственники умственно-отсталых обращались к органам власти с настоятельными требованиями арестовать и поместить их детей в тюрьмы и другие места заключения. Власти шли на это в интересах обеспечения общественного спокойствия.

Что касается общественно-правовых мероприятий в этой области, то они были направлены, однако, не столько на защиту самих слабоумных, сколько на защиту от слабоумных. По данным Каннабиха, в эпоху развития и укрепления городов властями последних кое-где были опубликованы специальные законы, в которых некоторые пункты категорически обязывали родственников душевнобольных и слабоумных принять меры к ограждению спокойствия и безопасности граждан, в частности держать ненормальных взаперти, отдавать им патронат, на сторону и т. п. Испанский кодекс, отмечая, что помешанный, маньяк и слабоумный не отвечают за свои поступки, возлагает ответственность за их поведение на родных, «если последние не сторожили больных» (Каннабих). В Гамбурге, в Вене и в других крупных городах в башнях городских стен по распоряжению магистратов устраивались специальные «карцеры» (*custodia fatuorum*), представлявшие собою каменные мешки-клетки для изоляции ненормальных (сведения относятся к XIV в.).

Следует также особо отметить, что средневековая атмосфера религиозного мракобесия, предрассудков и иезуитской мистики благоприятствовала широкому распространению среди народных масс всякого рода поверий о скитающихся по лесам и полям «людях-волках», о детях, вскормленных будто бы волчицами и медведицами, об уродах с несколькими звериными головами, о людях-вампирах, живущих в укромных уголках и охотящихся по ночам за человеческой кровью, и о тому подобных нелепостях.

Айрленд, видный деятель в области дефектологии в Англии, в своем труде «Идиотизм и тупоумие» (1878) специально останавливается на подобных легендах, отмечая, что они имели хождение не только в средние века, но и в новое время. По его мнению, все эти суеверия имели свое определенное и притом весьма отрицательное значение в отношении слу-

чаев детской дефективности, особенно случаев резко выраженной немальности развития, поскольку такие случаи ассоциировались в представлениях некультурных современников с этими нелепыми рассказами о людях-зверях, о бесах, принявших человеческий вид, и т. п. Такие ассоциации сильно мешали установлению у широких масс правильного понимания сущности детской дефективности и правильного, гуманного отношения к ненормальным детям.

Многие сотни лет отношение к ненормальным детям носило на себе отпечаток религиозного скудоумия и следов первобытного анимизма. Входящий австрийский дефектолог Геллер в своем историческом обзоре воспитания умственно-отсталых детей указывает, что в то время к глухонемым и слепым детям уже выведены были из жалкого состояния изоляции и их уже стали обучать специальными методами в особых учреждениях, старинные предрассудки, будто дети-идиоты, равно как и взрослые душевнобольные, одержимы злым духом, жили еще в XVIII «Монастырские экзорцизмы (обряды заклинания) и изгнание злого духа с божьей помощью рассматривались как единственно возможное и действительное средство спасения несчастных, которое вновь и вновь применялось». В этих условиях, по мнению Геллера, несколько не приходится удивляться, что в прежние времена никто не мог серьезно думать о помощи умственно-отсталым путем воспитания и обучения, равно как не приходится и предполагать, чтобы кто-либо мог практически принять в отношении их судьбы что-либо существенное. Этими же условиями Геллер объясняет и живучесть разных суеверий о людях-зверях, обходя, однако, при этом вопрос о весьма отрицательной роли духовенства, поддерживавшего такие суеверия и тем создававшего препятствия к установлению у населения правильного взгляда на детскую дефективность.

Лишь изредка в тяжелую атмосферу средневековья врывались струи свежего воздуха, и тогда звучали призывы к гуманному отношению к ненормальным детям. В эпоху Ренессанса такой голос прозвучал из уст знаменитого Франческо Петрарки (1304—1374), личное несчастье которого (его сын сошел с ума) привлекло его внимание к проблеме психической дефективности и поискам путей борьбы с ней. Такие же призывы прозвучали, как мы увидим дальше, в трудах отдельных психиатров конца средневековья. Однако эти призывы не находили еще долго отклика у современников, и лишь эпоха французской буржуазной революции (1789 года) создала толчок в отношении к дефективным детям, который привел к практическим мероприятиям, изменившим их положение в обществе.

Эпоха французской буржуазной революции. Французская буржуазная революция открыла новый период мировой истории. Это период победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы и Америки.

Целью французской буржуазной революции 1789 г. была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Французская буржуазная революция быстро и решительно уничтожила феодальную зависимость крестьян, создала в деревне мелкую крестьянскую собственность и привела к власти молодой и тогда прогрессивный класс — буржуазию. Это была самая решительная из буржуазных революций, но и она не уничтожила, а сменила один вид эксплуатации другим, более прогрессивным видом. Все же ее значение было очень велико. Ранние буржуазные революции (нидерландская и английская) не разрушили феодализма в Европе. Французская же буржуазная революция нанесла удар абсолютизму и феодализму не только во Франции, но и в других странах Европы.

Взродившееся еще в недрах феодального строя так называемое «третье сословие» явилось той революционной силой, которой удалось разорвать устаревшие феодальные производственные отношения, стеснявшие развитие капитализма.

По мере разложения феодализма и собственного роста, буржуазия, в лице своих передовых элементов все резче выступает против своего политического бесправия, предвосхищая неизбежность революционного взрыва. Отражением этих идей политической и экономической революции явилась так называемая просветительная философия французских материалистов XVIII в., составившая эпоху в истории человеческой культуры.

Переоценка всех ценностей современности и прошлого, смелые, даже утопические планы переделки социально-политических устоев, начала разума, новый идеал человека, новые принципы его воспитания и образования; природа человека в свете вопросов наследственности и среды, проблемы общественного бытия в свете естественно-научных закономерностей, идейный разгром средневековой схоластической науки и религиозных догм — все это было объектом философских трактатов, публицистических выступлений, размышлений и страстной полемики.

Освещение этих проблем и пути их разрешения пестрят противоречиями и носят отпечаток исторически обусловленной ограниченности, но в конкретных условиях предреволюционной Франции XVIII в. революционизирующее влияние идей просветительной философии было огромным. Это была своего рода психологическая подготовка общественного мнения к ломке старого и созданию нового строя, в большой мере определившая в годы революции официальные акты законодательных учреждений республики и в первую очередь «Декларацию прав человека и гражданина». Создавалась атмосфера, когда скорее и легче можно было привлечь общественный интерес и к таким проблемам, выдвижение которых раньше не стоило рассчитывать на успех.

При этом часто случалось, что тот или иной незначительный факт, но себе новый факт, а иногда и обыденное явление становились поводом к постановке широкой общественной проблемы, поскольку рассуждали в совершенно новом освещении и могли импонировать общественным чаяниям масс, опрокидывая ненавистные традиции старого строя.

В такой именно атмосфере впервые нашли для себя широкий отклик и поддержку решительно и настойчиво поставленные перед обществом призывы к установлению гуманного режима для душевнобольных и идеи общественного призрения и обучения дефективных детей. История специальной педагогики знает ряд фактов, относящихся к эпохе французской буржуазной революции, когда проблемы детской дефективности обязаны были своей постановкой именно слушавшим поводам, давшим пищу пытливым и мятежным умам великих людей XVIII в.

Так, для знаменитого Дидро (1713—1784) толчком, пробудившим в нем громадный интерес к дефектологическим проблемам, в частности проблемам тифлопедагогики, явилась операция, которую произвел его современник, доктор Реомюр, над слепым от рождения ребенком. Операция

была удачной и ребенок постепенно стал пользоваться своим органом зрения. В руках Дидро, выступавшего против теории врожденных идей, этот случай, сам по себе интересный для того времени, послужил существенным аргументом в его полемике с идейными врагами. В 1789 Дидро выступает с нашедшими «Письмами о слепых в нападении на идеализм», которые стоили ему за резкий тон и «вольномудество» трехлетнего пребывания в тюрьме.

В «Письмах» Дидро пытается раскрыть внутренний мир слепорожденного, психология слепого здесь выступает как объект научного исследования. Случай с внезапно прозревшим слепым ярко показывает нелепость теории врожденных идей: новые представления и понятия будут создаваться на основе зрительных впечатлений, слепой будет овладевать ими постепенно, они вовсе не вложены ему природой. Наблюдения над некоторыми слепыми позволили Дидро утверждать, что слепые способны к умственному развитию и школьному обучению¹. Эти данные Дидро содействовали значительному подъему общественного интереса к делу попечения о слепых и обучению их.

Крупнейший деятель в области тифлопедагогики В. Гаюи (1745—1822), с именем которого связана организация первых ботанических школ-интернатов для слепых в ряде европейских столиц (в том числе в Петербурге), относил начало своей многолетней и плодотворной деятельности в пользу слепых к случайно заинтересовавшему его случаю. Однажды пришлось наблюдать, как группа слепых мальчиков паясничала на ярмарке. Это зрелище чрезвычайно поразило Гаюи и привело к мысли о целесообразности организации общественного воспитания слепых. Еще за три года до начала буржуазной революции 1789 года ему удалось добиться организации в Париже специального института для обучения слепых, который скоро разросся в большое учреждение. В дальнейшем Гаюи энергично пропагандировал новое дело как во Франции, так и в других государствах Европы. Самая возможная такая пропаганда и ее практические результаты свидетельствовали, что «Письма» Дидро сделали свое дело.

Аналогичные факты приводит на страницах своей истории сурдопедагогика. Французская буржуазная революция раскрыла и перед этой областью, до того влечившей жалкое существование, благоприятные перспективы.

Являясь отражением грандиозных сдвигов в общественной жизни, «Декларация прав человека и гражданина», в свою очередь, сыграла громадную роль в привлечении общественного внимания к положению ненормальных детей. Ряд официальных актов, принятых законодательными учреждениями французской революции, в этом отношении особенно характерен, так как эти акты означали принципиальное признание государством и обществом естественных прав человека, также и за физически и психически дефективными, на которых раньше эти права не распространялись.

По постановлению Учредительного собрания (1791), школы для слепых были приняты под покровительство государства. Руководителю Парижского национального института для глухонемых детей де Лепе (de l'Épée) выносятся официальная благодарность и имени Законодательного собрания республики (1792) за достигнутые им успехи в обучении глухонемых. В этом же году знаменитый психиатр Пинель с санкции государственной власти вводит новый режим в домах для душевнобольных, освобождая их от цепей. За опубликование романа «Линггард и Гертруда» швейцарскому педагогу, инициатору идеи школы-интерната, Песталоцци, Законодательное собрание

¹ По комментариям проф. В. А. Гандера к работе Виллея «Педагогика слепых», 1936.

удждает звание гражданина Французской республики. В 1795 г. ему представлено на утверждение верховных органов республики предложение о новой организации системы школьных учреждений, в которой предусмотрены специальные школы для различных категорий дефективных детей, на равных правах с другими государственными школами. Все эти мероприятия сыграли исключительно важную роль в истории дефектологии. Они не только содействовали оживлению предшествующих уже к этому времени ее участков тифлопедагогики и логопедагогики, но и расширили движение в пользу организации государственной заботы о дефективных детях: в порядке дня был поставлен вопрос об умственно-отсталых детях. Первая половина XIX в. ознаменовалась организацией в ряде государств Запада специальных учреждений для воспитания и обучения умственно-отсталых детей и опубликованием первых научно-теоретических исследований об умственной отсталости. Естественно, что объектом теории и практики новой научной отрасли — олигофренопедагогики явились прежде всего глубоко-отсталые дети, по современной клинической терминологии — дети-идиоты и имбециллы, которых стали призывать и изучать наряду с кретинами и слабоумными эпилептиками. Состояние психиатрии было в этот период еще таково, что строго дифференцированного подхода к этим разнородным психопатологическим категориям еще было ожидать, но именно они легче всего и скорее всего могли быть выделены на первых порах из общей массы случаев ненормальности в силу очевидности своих дефектов. Чтобы понять, каков был потенциал тех средств педагогического и психиатрического воздействия, какими инициаторы нового дела могли подойти к своему неизведанному еще объекту работы, проследим развитие идей общей педагогики, с одной стороны, и психиатрии — с другой, доведя свой обзор до начала XIX в., т. е. до того периода, с которого начинается история олигофренопедагогики.

Глава II.

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИКИ ДО НАЧАЛА XIX в. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ ОЛИГОФРЕНОПЕДАГОГИКИ.

Влияние педагогики древнего мира. На исходном этапе своей истории олигофренопедагогика оказалась в благоприятном положении: она могла в построении своих основ опереться на все то лучшее, прогрессивное, что к началу XIX в. было выдвинуто в теоретических трудах крупнейших деятелей общей педагогики; она могла черпать свое передовое из практического опыта массовой школы. Но то лучшее, что могло быть отобрано из научного арсенала общей педагогики первыми олигофренопедагогами, явилось плодом не только оригинальной работы философов и педагогов XVIII в.: оно включало в себя и рациональные зерна из всей предшествующей истории педагогической мысли. Обращаясь для разрешения своей новой задачи к трудам представителей просветительной философии XVIII в., пионеры олигофренопедагогики могли в этих трудах ознакомиться с педагогическими идеями великих деятелей эпохи Ренессанса, в связи с этим и с творениями выдающихся людей античного мира,

к кому часто обращали свой взор и кому подражали гуманисты в рожденья. И у тех, и у других нельзя было не отметить таких высказываний, которые по самому духу своему импонировали устремлениям современников французской буржуазной революции — воспитания нового человека для нового общества — и которые в то же время той или иной степени могли помочь в обосновании и в разработке принципов и практики специальной педагогики. При этом учитывалось все, что могло сделать педагогический процесс действенным, педагогические мероприятия — доступными, доходчивыми; внимание фиксировалось на таких идеях, которые не нашли еще своего практического осуществления в истории воспитания и обучения, но которые предвосхищали будущий педагогический опыт в новых социальных условиях.

Уже в «Законах» Платона обращали на себя внимание интересные указания по организации дошкольного воспитания; применение их к дошкольному возрасту могло оживить процесс обучения и сделать его доступным в особенности для тех детей, которые, будучи великовозрастными, иногда по своему общему развитию мало отличаются от ребенка дошкольника. Такая аналогия явилась исходным пунктом для ряда педагогов Европы и Америки.

Привлекал внимание и Аристотель, который требовал, чтобы организм ребенка развивался не посредством изнурительных упражнений, чтобы развитие не было направлено в одну лишь сторону, как то бывало с атлетами. Эта мысль заслуживает особого внимания педагога-дефектолога с точки зрения задач и методики сенсомоторной культуры в системе воспитания умственно-отсталых детей.

Указывая на важность воспитания моторики ребенка, Аристотель рекомендует применять различные механические приспособления, которые предохраняли бы тела детей от повреждений и которыми пользовались во времена Аристотеля некоторые племена, о чем Аристотель отзывался весьма одобрительно. Физическое воспитание ребенка должно предшествовать интеллектуальному. Игры, развлечения, сказки — лучшие средства дошкольного воспитания. Должно избегать обременения ребенка так работой, которая могла бы помешать его росту¹.

Квинтиллиан, известный римский оратор (42—118 гг. н. э.), многими своими педагогическими мыслями привлекал особенное внимание. Он придает большое значение правильной речи кормилицы. В раннем возрасте обучение, по Квинтиллиану, должно носить характер забавы. Необходимо знать природу ребенка, темп его работы, характер усвоения. Не физические наказания, но поощрения, награды, просьбы должны быть средствами педагогического воздействия. «Я не осуждаю, — говорит Квинтиллиан, — известного способа приохотывать детей к учению: давать, вместо игрушек, буквы, вырезанные из слоновой кости. Нужно бы придумать для этой цели и что-либо другое, что могло бы быть приятным для этого возраста и что ребенок с удовольствием стал бы ощупывать, рассматривать, называть».

Занятия с детьми должны отличаться разнообразием, чтобы являлись средством от утомления. Умственное напряжение необходимо чередовать с отдыхом. Важнейшие дидактические принципы, по Квинтиллиану, — подражание, теоретическое наставление и управление.

¹ По «Хрестоматии по истории педагогики», составлен. проф. Свядковским